

нина“ почерпнулъ; я видѣлъ, тамъ у него на столѣ цѣлыя горы лежать этого почтеннаго журнала...

Леночка вся поблѣднѣла.

— Такъ, значить, ты уѣдешь, и я опять одна останусь!...— вырвался у нея изъ груди отчаянный крикъ.

У Діодора больно сжалось сердце при видѣ этого не-дѣтскаго горя.

— Леночка!—заговорилъ онъ тихо и ласково, подсаживаясь къ ней.—Леночка, я все готовъ сдѣлать для тебя, но какъ?— не знаю. Взять тебя съ собою я не могу; ты видишь, отецъ твой вооруженъ противъ меня, и ни за что не отпуститъ тебя со мною. Остаться здѣсь я, конечно, могъ бы для тебя, но это ни къ чему не поведетъ: я—плохой воспитатель... Я, право, не знаю, чтò и дѣлать... Лена, не плачь, милая... Господи, какъ это подло— губить ребенка! Подожди, я опять пойду просить...

И Діодоръ выбѣжалъ изъ комнаты. Леночка горько плакала. Она уже не надѣялась больше, и чудилось ей, что стѣны ея тюрьмы еще тѣснѣе смыкаются вокругъ нея.

Вторичныя просьбы Діодора ни къ чему не повели: Антонъ Кирилычъ оставался непреклоненъ. Дѣло кончилось ссорой, шумомъ и крикомъ, такъ что Діодоръ даже не пошелъ обѣдать и затворился въ своей комнатѣ. Во время этой бури домашніе всѣ попрятались по угламъ, а Марья Филипповна тихонько плакала въ кухнѣ.

— Безумцы эдакіе!—кричалъ Діодоръ на весь домъ, опоражнивая стаканъ за стаканомъ.—Неужели они не понимаютъ, что рабы, освободившись, прежде всего жестоко мстятъ своимъ притѣснителямъ? Что тюрьма и невѣжество воспитываютъ злобу и звѣрскія страсти? Боже, да когда же, наконецъ, разобьются совсѣмъ эти проклятыя цѣпи?!

— Ладно!—рычалъ, въ свою очередь, Антонъ Кирилычъ, сидя въ кабинетѣ.—Ишь ты, раскричался въ чужомъ домѣ, распорядиться пріѣхалъ! Да не будетъ по твоему, сумасбродъ эдакой! Не пущу свою дочь хвосты трепать по лекціямъ да театрамъ разнымъ, какъ эти стриженные короткохвостки. Чтобы еще въ актрисы пошла, какъ ваша милость, да распутничала всячески... Не будетъ этого—вотъ вамъ мой сказъ!..

Къ вечеру Діодоръ напился мертвецки пьянъ и собрался ѣхать. Тройка, звеня колокольчиками, лихо подкатила къ крыльцу. Діодоръ вышелъ, не простившись съ зятемъ. Въ сѣняхъ его поджидала Леночка. Она не чувствовала холода, хотя была въ одномъ платицѣ; она задыхалась отъ рыданій и вся дрожала.